

УДК 94(470.5).084.8

Р. Р. Хисамутдинова

Государственные трудовые повинности советского крестьянства в 40-е — начале 50-х годов XX века (на материалах Урала)

Рассматриваются виды государственных трудовых повинностей уральского колхозного крестьянства: обязательные отработки в колхозе; трудовая и гужевая повинности на лесозаготовках, дровозаготовках и торфоразработках; работы по строительству, ремонту дорог и ликвидации последствий стихийных бедствий; перевозка почты. Доказано, что особенности существовавшей модели экономики предполагали для исполнения государственных повинностей обращение в первую очередь к внеэкономическим методам.

Ключевые слова: формирование, государственные трудовые повинности, советское и уральское крестьянство.

Проблема повинностей (несения определённых обязательств, платных или бесплатных, в чью-либо пользу) не является новой в отечественной историографии, особенно в контексте рассмотрения вопросов взаимоотношений крестьянства и государства в экономико-хозяйственной сфере на разных этапах исторического развития.

Тема повинностей крестьян дореволюционной России давно и достаточно полно исследовалась советскими, а ныне изучается российскими историками. В историографии советского периода отечественной истории проблема рассматривалась лишь применительно ко времени «военного коммунизма» [13].

Однако эта проблема касательно этапа колхозного строя начинает изучаться историками относительно недавно. Государственные обязанности крестьянства в советский период рассматривались в многотомной «Истории советского крестьянства» [12].

О. М. Вербицкая и М. А. Безнин исследовали использование труда колхозников в общественном хозяйстве сельхозартели [1; 3]. М. А. Безнин, изучая проблемы бюджета крестьянской семьи, описал систему отработок, натуральных повинностей, займовых и налоговых платежей крестьянства в послевоенный период [1].

В. П. Попов охарактеризовал крестьянские налоги 1940-х гг. [21, 22]. Эта же проблема затрагивалась в работах В. Ф. Зимы [10].

Вологодские историки М. А. Безнин, Т. М. Димони, Л. В. Изюмова занялись непосредственно проблемой повинностей российского крестьянства в период становления и развития колхозной системы в 1930—1960-х гг. Они полагают, что выделение данной проблемы в истории колхозного крестьянства вполне логично, ибо речь идёт о бытовании традиционной для аграрного (или так называемого «феодального») общества системы взаимоотношений, которая почти в классическом виде была воссоздана в начале 1930-х гг. и существовала до конца 1960-х (в 1958 г. отменяются «оброки» — госпоставки, в конце 1960-х прекращает существование «барщина» — регулируемая отработочная повинность в общественном хозяйстве колхозов) [1, с. 6]. По нашему мнению, советские крестьяне имели ряд государственных обязанностей, повинностей, но ставить знак равенства между понятиями «оброк», «барщина», существовавшими в эпоху феодализма, и крестьянскими повинностями 30—50-х годов XX столетия всё-таки не вполне уместно. Да, что-то похожее есть, но ведь между разными явлениями, событиями, происходившими в разное время, всегда можно найти что-то общее, однако отождествлять их не стоит.

При нехватке финансовых средств, рабочих рук для решения ряда важнейших государственных задач (завоевание экономической независимости путём индустриализации,

© Хисамутдинова Р. Р., 2013

укрепление обороноспособности страны) советское правительство было вынуждено возродить патриархальные, в какой-то мере полуфеодальные трудовые повинности крестьянства, которые сформировались окончательно в 30-х годах и позже корректировались в зависимости от изменившихся условий.

Государственные отработочные повинности включали: обязательные отработки в общественном хозяйстве колхоза; трудовую и гужевою повинности на лесозаготовках, дровозаготовках и торфоразработках (в зависимости от природных условий региона); работы по строительству, ремонту дорог и ликвидации последствий стихийных бедствий; перевозку почты, а также работы в некоторых других отраслях, где требовалось сезонное увеличение числа рабочих рук (лесохимии, рыболовства, кирпичной промышленности и др.).

Формирование отработочной повинности в общественном хозяйстве колхозов шло параллельно становлению колхозного строя. Особенности существовавшей модели экономики предполагали для исполнения государственных повинностей обращение в первую очередь к внеэкономическим методам. Способы привлечения колхозников к общественному труду закреплены в Уставе сельскохозяйственной артели 1935 г., который устанавливал взыскания вплоть до исключения из членов артели для колхозников, не вышедших без уважительных причин на работу [27, с. 528]. Крайней мерой воздействия считалось исключение из колхоза. Каждый случай исключения из колхозов должен был рассматриваться на заседании райисполкома, кроме случаев заочного исключения колхозников, самовольно ушедших из колхоза 2—3 года тому назад [18, л. 10].

Окончательно в форме повинности работа в общественном хозяйстве колхоза была закреплена Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания». Для всех трудоспособных колхозников (женщин от 16 до 55 лет и мужчин от 16 до 60 лет) устанавливался обязательный годовой минимум трудодней — от 60 до 100 — в различных районах страны. Для областей и автономных республик Урала годовой минимум составлял 80 трудодней, за исключением Пермской и Свердловской областей (60 трудодней). Рекомендовалось колхозам установить, что трудоспособные колхозники и колхозницы, вырабатывающие в течение года ниже указанных норм, должны считаться выбывшими из колхоза и потерявшими права колхозника [11, с. 107—110; 2, с. 41—47].

В условиях Великой Отечественной войны происходило ужесточение не только рабочего законодательства, но и крестьянского. В 1942 г. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» от 13 апреля обязательный минимум был повышен до 100—150 трудодней [2, с. 310—311; 11, с. 219—220]. Тогда же установлена обязательная выработка трудодней по периодам сельхозработ для взрослых трудоспособных колхозников, впервые зафиксирован обязательный минимум трудодней для подростков (от 12 до 16 лет) — членов семей колхозников — в количестве 50 трудодней в год. Для колхозников Молотовской, Свердловской областей установлен обязательный минимум трудодней 100, из них необходимо было выработать до 1 июня не менее 25 трудодней, а с 1 июня по 1 августа — 25 трудодней, с 1 августа по 1 октября — 35 трудодней, остальные трудодни могут быть выработаны после 1 октября. Для всех остальных районов Урала установлен обязательный минимум трудодней 120, из них необходимо было выработать до 15 июня не менее 30 трудодней, с 15 июня по 15 августа — 30, с 15 августа по 15 октября — 40 трудодней, остальные — можно после 15 октября.

В годы войны в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1942 г. введена судебная ответственность за уклонение от работы в колхозе. Тру-

доспособные колхозники, не выработавшие без уважительных причин обязательного минимума, должны были по приговору народного суда привлекаться к исправительно-трудовым работам в колхозе на срок до 6 месяцев с удержанием из оплаты трудодней до 25% в пользу колхоза. Кроме того, они должны были считаться выбывшими из колхоза, потерявшими права колхозника и лишаться приусадебного участка. Народные суды должны были рассматривать все дела не более чем в 10-дневный срок и приговоры по этим делам приводить в исполнение немедленно [2, с. 310—311; 11, с. 219—220].

Только за 5 месяцев (июнь — октябрь) 1942 г. народными судами РСФСР были рассмотрены дела о невыработке обязательного минимума трудодней в отношении 151 тыс. колхозников, из них 117 тыс. осуждены [1, с. 28]. По данным Министерства юстиции СССР, за невыработку колхозниками обязательного минимума трудодней в стране осуждено в 1948 г. 165,5 тыс. человек, в 1949 г. — 200,7 тыс., в 1950 г. — 175,6 тыс. человек [8, л. 60].

После войны повышенный обязательный минимум сохранялся. Февральский (1947 г.) Пленум ЦК ВКП(б) в своих решениях записал: «Признать необходимым сохранить повышенный в 1942 г. обязательный минимум выработки трудодней трудоспособными колхозниками» [28, с. 422].

Повышенный обязательный минимум сохранен постановлением Совета Министров СССР от 31 мая 1947 г., осталась прежней и судебная ответственность колхозников. В апреле 1948 г. существовавшие производственные нормы труда в колхозах пересмотрели в сторону повышения с утверждением их Постановлением Совета Министров СССР «О мерах по улучшению организации производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах» [28, с. 469—490]. Так, нормы труда на пахоте увеличили на 12—17%, на бороновании — на 12—20% и т.д. Новые нормы были рассчитаны для всех районов страны и исходили из показателей трудовой деятельности передовых колхозников в районах, лучше обеспеченных техникой. По мнению О. М. Вербицкой, для крестьян большинства колхозов России, особенно северных и центральных областей, эти нормы были явно завышены [3, с. 38].

Репрессивное законодательство в отношении колхозников, не выработавших обязательный минимум трудодней и не проявлявших должного рвения в общественной работе, продолжало ужесточаться и после окончания войны. Наиболее репрессивным актом в отношении крестьян был Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. «О выселении в отдалённые районы лиц, злобно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни». Однако данный указ лишь на время укрепил трудовую дисциплину в колхозах. Правительство прекрасно понимало, что одними только репрессивными методами невозможно поднять трудовую дисциплину и производительность труда в сельском хозяйстве, что они являются малоэффективными и необходимы меры экономического воздействия.

Законом о сельхозналоге 1952 г. предусматривалось увеличение на 50% ставки налога для хозяйств, отдельные члены которых не выработывают без уважительных причин установленного минимума трудодней [30, с. 323]. После выхода Постановления ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР от 6 марта 1956 г. «Об Уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управления делами артели» колхозы получили право включать в уставы пункты об уменьшении приусадебных участков колхозных дворов, члены которых «принимали недостаточное трудовое участие» или не работали в колхозах. Кроме того, по усмотрению правлений колхозов такие хозяйства могли быть лишены приусадебных участков, прав пользования выпасами и сенокосами [29, с. 295, 296].

На рубеже 1940—1950-х годов неоднократно предпринимались попытки пересмотреть в сторону увеличения установленный обязательный минимум трудодней. В итоге обсуждения данного вопроса в середине 1950-х годов правительство рекомендовало колхозам стабилизировать годовой обязательный минимум на уровне 150 трудодней для женщин и 200 для мужчин [3, с. 52]. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1956 г. «Об Уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели» подтвердило право колхозов утверждать обязательный минимум трудодней исходя из потребности трудовых затрат в общественном хозяйстве колхоза [29, с. 295; 11, с. 451].

Обязательность выработки годового минимума трудодней трудоспособными колхозниками сохранялась фактически до середины 1960-х гг.

Участие в лесозаготовках становится обязательным для крестьян с конца 1920-х годов и оформляется в виде регламентируемой трудгужповинности в 1941 г. В развитие и изменение постановлений СНК СССР от 19 ноября 1933 г. «О договорах с колхозами и крестьянами-единоличниками для лесозаготовок и сплава», от 27 мая 1935 г. «О порядке обеспечения зернофуражом колхозных лошадей, используемых на лесозаготовках и сплавных работах» и от 3 марта 1936 г. «О договорах с колхозами для лесозаготовок и сплава» принято постановление СНК СССР от 16 февраля 1937 г. «О взаимоотношениях лесозаготовительных организаций с колхозами», которое устанавливало отчисления колхозам за работу лошадей на лесозаготовках и сплаве (на содержание и износ колхозного инвентаря) в размере 50% от всего заработка возчика с лошадью. Начисленная прогрессивная надбавка за перевыполнение нормы выработки распределялась: возчику — 60%, колхозу на содержание лошади — 40%. Данное постановление отменило действующую в отдельных районах систему, по которой заработная плата выплачивалась колхозу, а лесорубам и возчикам за работу в лесу колхоз оплачивал трудоднями, и установило, что заработная плата должна выплачиваться леспромхозами в соответствии с заключёнными договорами каждому отдельному колхознику, работающему на лесозаготовках и сплаве.

К лесозаготовкам привлекались колхозники: мужчины в возрасте от 16 до 55 лет и женщины — от 16 до 45 лет. Развёрстка привлечения трудоспособных колхозников началась со спускаемого правительством сезонного плана лесозаготовок по различным ведомствам. Число привлекаемых колхозников зависело от потребностей данных ведомств в дополнительной рабочей силе. На республиканском, краевом (областном) уровне план развёрстывался по районам, затем райисполкомы Советов народных депутатов доводили план до сельсоветов, а те определяли число колхозников, выделяемых на сезонные лесозаготовительные работы каждым колхозом. С колхозами и привлечёнными в обязательном порядке колхозниками леспромхозы заключали трудовые договоры. От колхозника, участвующего в исполнении трудгужповинности на лесозаготовках, требовалось выполнение за лесозаготовительный сезон фиксированного количества работ (трудонорм) — 110 дневных норм для пеших рабочих и 100 — для возчиков с лошадьми.

Трудгужповинность на лесозаготовках была платной. Однако до 1938 г. труд колхозников, работающих на лесозаготовках, оплачивался значительно ниже труда кадровых рабочих. Из заработка колхозников-возчиков делались отчисления колхозам за содержание лошадей, ремонт саней и сруи. Они доходили до 50% от общего заработка. Этот порядок был изменён решением Экономсовета при СНК СССР от 26 мая 1938 г.: всем привлечённым к трудгужповинности стала выплачиваться как основная заработная плата, так и сезонная, прогрессивная с начислением премий-надбавок наравне с рабочими постоянного кадра [11, с. 5, 6].

Колхозники привлекались на лесозаготовки с использованием как пешей, так и конной силы — колхозных лошадей, которые обеспечивались фуражом за счёт колхоза. Количество колхозников СССР, привлечённых на лесозаготовки в течение осенне-зимнего сезона 1940—1941 г., равнялось 609 тыс. человек сезонных рабочих и 305 тыс. возчиков с лошадьми, в этот же период 1947—1948 гг. — соответственно 372,6 тыс. и 143,4 тыс., в 1955—1956 г. — 91,1 тыс. пеших рабочих и 22,8 тыс. возчиков [16, с. 57].

Снижение количества привлекаемых к лесозаготовкам колхозников связано с реализацией политики комплектования лесозаготовительных предприятий с 1954 г. постоянными кадрами рабочих. Но участие колхозников в лесозаготовках продолжало сохраняться и в последующие годы, хотя и носило добровольный характер.

В целом трудовое участие колхозников в лесозаготовках было чрезвычайно значимым для этой отрасли хозяйства. Доля вывезенной с участием колхозов древесины составляла в 1940 г. 50% общего объёма, в 1945 г. — 69%, в 1950 г. — 47%, в 1955 г. — 43%; вывезенных дров в 1940 г. — 58%, в 1945 г. — 70%, в 1950 г. — 62%, в 1955 г. — 55% [16, с. 56—57].

Лесозаготовки приравнивались к обязательному государственному заданию. На лесозаготовках лошадей использовали в течение всего зимнего периода. Это приводило к физическому истощению колхозных лошадей, которые возвращались домой непригодными к весенне-полевым работам, что, в свою очередь, ударяло по сельскому хозяйству. Их необходимо было сначала откормить, дать возможность отдохнуть после этого тяжёлого труда.

В Свердловской области зимой 1940—1941 гг. в лесу работало 12,3 тыс. лошадей (9,1% от их общего количества в колхозах), в 1941—1942 гг. — 9,3 тыс. (8,0%), 1942—1943 гг. — 16,2 тыс. (14%), в 1943—1944 гг. — 11,9 тыс. (12%) [14, с. 56—57]. Осенью 1943 г. в Свердловской области на лесозаготовки отправили 10 тыс. колхозных лошадей. Из них 0,8 тыс. погибли, 1,5 тыс. вернулись больными, 4,3 тыс. — истощёнными, а остальные были ниже средней упитанности [17, с. 130].

На 1 января 1942 г. в Миньярском районе Челябинской области имелось 1796 лошадей, из них на долю колхозов приходилось 312 (17,4%), леспромхозов — 598, заводов оборонной промышленности — 266, гужтранспортных артелей, обслуживающих заводы и лесоучастки, — 355, учреждений и организаций — 265. По указу обкома партии и облисполкома район должен был выделить 295 лошадей для Военстроя, Промкомбинату. Выполнение всех поставок падало на колхозы, на других на основе существующих правительственных указов поставки лошадей не распространялись. Если на 1 января 1941 г. колхозы района имели лошадей 710 голов, то на 1 января 1942 г. осталось лишь 312 голов, которые были старые, увечные или молодняк до 3-х лет. Исполкомом райсовета в течение ноября — января колхозные лошади трижды привлекались к выполнению трудгужповинности на лесные работы, на борьбу со снеготаносами. Райком партии просил обком и облисполком в целях сохранения рабочих лошадей для весеннего сева к таким работам больше не привлекать [19, л. 6].

Не всегда у колхозов и колхозников имелись возможности и желание полностью выполнить эти повинности. Так, колхозы 15 районов Чкаловской области в порядке трудгужповинности с 1 марта по 1 апреля 1943 г. должны были послать на дровозаготовки 570 подвод, однако на 15 марта послали 376. Ряд районов (Асекеевский, Матвеевский, Чкаловский) совсем отказались поставлять подводы.

Так, председатель Матвеевского райисполкома заявил уполномоченному обкома партии Д. Малинину: «Я посылать не буду, так как очень далеко и к тому же нет корма, а главное — я занят вывозкой хлеба из глубинки, так что ваше пребывание здесь бес-

полезно, и заявляю, что нечего здесь вам указывать, я сам знаю, что делаю, мне главное — нужно вывозить хлеб, а то меня за это посадят, а за дрова большее — если дадут выговор» [32, с. 503].

Методы привлечения к лесозаготовкам содержали немало принудительно-репрессивных мер. Невыполнение «безусловно установленных заданий» или уклонение от лесозаготовок преследовалось по суду. В военные годы ответственность за уклонение от трудовой и гужевой повинности либо за невыполнение установленных норм была ужесточена. Виновные привлекались к ответственности по ст. 61 УК РСФСР. Предварительное расследование по этой категории дел отменялось: они передавались администрацией лесозаготовительных предприятий непосредственно в суд [1, с. 30].

Сельское население мобилизовывалось не только на лесозаготовительные работы, но и для работы в промышленность и в учебные заведения трудовых резервов. Так, в течение 1943 г. было мобилизовано из сёл Молотовской области для работы на промышленных предприятиях 15 555 человек, кроме того, в школы ФЗО и РУ — 16 568 человек. Ежегодно сельское население Молотовской области мобилизовывалось на лесо-, дрово-заготовки и лесосплав. В течение сезона 1942—1943 гг. на лесо- и дровозаготовки мобилизовано 38 976 человек и 15 551 лошадь, на лесосплав 21 037 человек.

На лесозаготовки сезона 1943—1944 гг. из села должно быть направлено 16 403 рабочих и, кроме того, 17 393 возчика с лошадьми. На 1 января 1944 г. в счёт этого плана мобилизовано на лесозаготовки 15 551 человек пеших и 14 821 возчик с лошадьми. Только в 1943 г. не участвовало в сельскохозяйственных работах 57 495 человек, или в среднем по 17 человек в каждом колхозе. Обком просил ЦК партии освободить Молотовскую область от мобилизации сельского населения для работы в промышленности с оставлением заданий на временную поставку рабочей и гужевой повинности на лесо- и дровозаготовки [9, л. 54, 55].

Эти повинности сохранились и после войны. Чрезвычайно неблагоприятно обстояло дело с организованным набором рабочей силы из колхозов на лесозаготовки. Несмотря на значительное повышение зарплаты и введение 10% отоваривания заработка промышленными товарами, выход рабочих на лесозаготовки в 1946 г. начался с опозданием и в дальнейшем проходил неудовлетворительно. По тресту «Свердлес» выход сезонников на 1 января 1947 г. составил: пеших рабочих — 58%, возчиков с лошадьми — 69%. Основными причинами неудовлетворительного выхода сезонников на лесозаготовки, как указывается в документах, являются: слабая разъяснительная работа среди колхозников, неудовлетворительная работа лесозаготовительных организаций по вербовке рабочей силы, плохие жилищно-бытовые условия на лесозаготовках и отсутствие заботы о сезонных рабочих, а также отрыв от семей. Производительность труда на лесозаготовках находилась на низком уровне. По тресту «Ижлес» (Удмуртия) выработка на 1 человекодень по заготовке леса составляла 1,7 кубометра при плане 2,4 кубометра [32, с. 504].

24 марта 1947 г. было принято постановление Совета Министров СССР, которое продлило срок работы сезонных пеших рабочих и возчиков с лошадьми в Молотовской, Свердловской областях, в Удмуртии и Башкирии до 15 апреля 1947 г. для обеспечения выполнения плана заготовок и вывозки леса в сезон 1946—1947 гг. [32, с. 504—505].

В 1947 г. в правительстве страны рассматривается вопрос о повышении оплаты колхозам за использование лошадей на лесозаготовках. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 30 сентября 1946 г. за использование колхозных лошадей на лесозаготовках лесозаготовители начисляют колхозу 100% от заработка возчика по основным сдельным расценкам, 70% от прогрессивной надбавки за перевыполнение норм выработки и 20% — от сезонной премии — надбавки возчиков, работающих на

лошадях колхозов. По расчётам Министерства финансов СССР, убыток колхоза от использования его лошадей на лесозаготовках составлял 141 руб. 40 коп. в месяц на каждую лошадь.

В соответствии с поручением Бюро Совета Министров СССР от 7 января 1947 г. создана комиссия в составе А. Косыгина, М. Салтыкова и Б. Двинского по изучению данного вопроса, которая сделала вывод, что ежемесячный убыток на лошадь составляет 295 руб. 95 коп. В целях возмещения колхозам расходов по содержанию лошадей, направленных на лесозаготовки, комиссия считала необходимым разрешить основным лесозаготовителям начислять с января 1947 г. колхозам за использование их лошадей на лесозаготовках 200% от заработка возчика вместо 100%, предусмотренных договором с колхозом, и 150%, предлагаемых Министерством финансов СССР, 160%, предлагаемых Госпланом СССР. Однако заместитель председателя Совета Министров СССР Н. А. Вознесенский 22 октября 1947 г. посчитал необходимым воздержаться от увеличения оплаты колхозам расходов по содержанию колхозных лошадей, используемых на лесозаготовках. Мотивировал он это решение тем, что средняя зарплата возчиков в Министерстве лесной промышленности, удельный вес которого в заготовках леса составляет более 40%, за 1946 г. составила 19 руб. в день и за первый квартал 1947 г. около 29 руб. При этом колхозам начислено в 1946 г. в среднем около 15 руб. и в 1 квартале 1947 г. — около 21 руб. за день работы колхозных лошадей на лесозаготовках, по лесозаготовителям других министерств — около 13 руб., что покрывает основные расходы колхоза по содержанию лошади. «Учитывая изложенное выше, а также имея в виду подготавливаемые Правительством мероприятия по укреплению денежного обращения (имелась в виду подготовка к проведению денежной реформы. — *Р. Х.*), считаю необходимым воздержаться от увеличения оплаты колхозам расходов по содержанию колхозных лошадей, используемых на лесозаготовках» [5, л. 8, 9, 40, 57].

В Молотовской области с большим ущербом для сельского хозяйства в сезон 1946—1947 гг. удалось привлечь на лесозаготовки из колхозов 12 000 пеших рабочих и 9400 возчиков с лошадьми. В 1947 г. количество рабочих лошадей сократилось против прошлого года на 7000 голов. По решению Госплана на сезон 1947—1948 гг. планировалось привлечь на лесозаготовки 17 770 человек пеших рабочих и 16 540 возчиков с лошадьми. Молотовский облисполком считал это непосильным и просил уменьшить план привлечения на лесозаготовки пеших до 10 000 человек и конных до 8000 соответственно [33, с. 426]. Хотя план и был уменьшен, но не на столько, сколько просил облисполком.

29 сентября 1947 г. Совет Министров СССР принял постановление под № 3365 «Об осенне-зимних лесозаготовках в сезон 1947—1948 гг.». Однако оно выполнялось неудовлетворительно. На 5 ноября 1947 г. на лесозаготовительные предприятия Министерства лесной промышленности СССР прибыло пеших рабочих 156 300 человек вместо 327 000, предусмотренных постановлением, или 47,8%, а из 224 000 возчиков с лошадьми только 44 480, или 19,8% [7, л. 35].

На 5 ноября из БАССР вместо 9600 пеших рабочих, предусмотренных постановлением, прибыло 3426 человек, или 35,7%, из 4200 возчиков с лошадьми — 757, или 18%; из Молотовской области — соответственно 11 300, 6778, 60%; 12 000, 3361, или 28%; из Свердловской области — 6000, 836, или 13,9%; 5000, 372, или 7,4%; из Удмуртии — 13 300, 7375, или 55,4%; 7750, 325, или 4,2%; из Челябинской области — 2100, 60, или 2,8%; 1200, 29, или 2,4% [7, л. 1—3].

На сезон 1948—1949 гг. предусматривалось по плану привлечение из колхозов Свердловской области на лесозаготовки в порядке трудгужповинности 15 800 пеших рабочих и 8420 возчиков с лошадьми, что больше плана 1947—1948 гг. соответственно в 2,6 и 1,7

раза. Свердловский обком партии просил уменьшить этот план и привлечь на лесозаготовки 3750 лошадей с возчиками и пеших рабочих 6000 человек. В области всего 52,8 тыс. лошадей, из них 15,5 тыс. жеребьих кобылиц, 9 тыс. племенных лошадей, 4 тыс. составляют фонд Красной Армии, 13 тыс. непригодных к тяжёлым физическим работам по старости и болезни. Для выполнения всех колхозных работ (вывозка навоза, обслуживание животноводства, лесозаготовки) остаётся 11,8 тыс. лошадей. Комиссия бюро Совета Министров СССР, рассмотрев эту просьбу, сочла возможным уменьшить количество привлекаемых из колхозов возчиков с лошадьми с 8420 лошадей до 7120, то есть на 1300 лошадей [24, л. 38, 39].

За 3 года (1949—1951 гг.) из Свердловской области было мобилизовано из села 93 582 человека, из них: оргнабор сезонной рабочей силы на лесозаготовки (только колхозники) 53 145 человек, набор в школы ФЗО и РУ — 23 667 человек, оргнабор сезонной рабочей силы на лесосплав и торфоразработки — 16 047 человек, оргнабор в постоянные кадры — 723 человека [25, л. 202].

Данный вид повинности оставался тяжёлым бременем для колхозов и колхозников и после окончания войны. Труд был ручным, немеханизированным. Кроме того, сельским жителям приходилось отрываться от своих семей, жить в тяжёлых жилищно-бытовых условиях, потому что лесозаготовительные организации плохо заботились о сезонных рабочих. В условиях войны и в первые послевоенные годы из-за отсутствия мужчин на лесозаготовки посылались в основном женщины и молодёжь после 16 лет.

Дорожная повинность являлась одной из древнейших натуральных повинностей сельского населения. На 30-е годы приходится становление этой повинности как системы: утверждаются нормы и формы её исполнения. Согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 3 марта 1936 г. «О трудовом участии сельского населения в строительстве и ремонте шоссейных и грунтовых дорог» с изменениями, внесёнными Постановлением СНК СССР 9 ноября 1938 г. в связи с изменениями в управлении дорожным хозяйством, вытекающими из Постановления СНК СССР от 22 апреля 1938 г., трудоспособные сельские жители (мужчины в возрасте от 18 до 45 лет и женщины в возрасте от 18 до 40 лет) должны были ежегодно отработать 6 дней на дорожных работах в радиусе 15 км от селения, тягловая сила — в радиусе 30 км и грузовые автомашины — в радиусе 60 км по обе стороны соответствующих дорог. Единоличники должны были отработать не менее 12 дней. Кроме того, жители деревень обязаны были предоставлять на тот же срок в распоряжение дорожных органов принадлежавшую им тягловую силу, гужевого транспорт, инструменты и инвентарь. При этом дорожная повинность устанавливалась как бесплатная. Постановление рекомендовало создать в каждом колхозе постоянную дорожную бригаду, которая работает за колхоз и работа которой засчитывается в общий план трудового участия в дорожном строительстве всех членов данного колхоза.

Для проведения дорожных работ с трудовым участием сельского населения в соответствующих республиканских и местных бюджетах обязательно ежегодно выделялись средства в размере не менее 10% сметной стоимости трудового участия населения для приобретения оборудования и инвентаря, содержания технического персонала и т.п. За уклонение от трудового участия в дорожных работах отдельные колхозники, единоличники и колхозы привлекаются по распоряжению соответствующих дорожных органов НКВД СССР к уплате денежных взносов в двойном размере стоимости не выполненных ими работ. Суммы поступивших взносов расходовались исключительно на улучшение строительства и ремонт дорог в пределах соответствующей республики, края или области.

Дорожная повинность в форме обязательного трудового участия в ней сельского населения была отменена лишь в 1958 г., хотя ряд последующих лет привлечение колхозников к строительству дорог сохранялось [32, с. 507].

Сельское население привлекалось на работы по дорожному строительству, как указывалось в постановлении, в два срока — весной и осенью. Однако основная часть работ по дорожному строительству падала на июнь — октябрь. Естественно, что отвлечение в этот период рабочих рук на строительство дорог, бесплатное использование колхозного рабочего скота и инвентаря было крайне невыгодно колхозам, поэтому постоянные дорожные бригады создавались лишь в небольшом числе хозяйств. Для выполнения плана по дорожному строительству некоторые руководители колхозов прибегали к найму рабочей силы со стороны, хотя законодательством это категорически запрещалось. Народнохозяйственное значение участия сельского населения в дорожном строительстве было настолько весомым, что в 1940 г. правительство по предложению Госплана СССР утвердило по всем союзным республикам годовой план дорожного строительства с участием населения. Централизованные задания по этим показателям стали неотъемлемой частью экономической жизни государства.

Но основными методами привлечения сельского населения к дорожному строительству были административно-принудительные. Так, с 1939 г. широкое распространение получил «ферганский метод» (по аналогии со строительством в республиках Средней Азии Большого Ферганского канала им. Сталина) — скоростное строительство с ненормированным привлечением населения, прежде всего колхозников. Апробирован этот метод был в дорожном строительстве в Ярославской области [15, с. 207].

Применялся «ферганский метод» при строительстве дорог и на Урале. Так, 1 сентября 1942 г. принято совместное постановление СНК Удмуртской АССР и бюро обкома партии о мобилизации колхозников на строительство железнодорожной линии Ижевск — Балезино. «До окончания земляных работ на строительство № 38 НКПС организовать с 20 сентября 1942 г. массовый выход колхозников в порядке трудгужповинности из 27 районов республики. Утвердить план мобилизации пеших и конных рабочих и объёмные задания по земляным работам на определённых участках работ. Установить продолжительность работы на стройке 1 месяц» [31, с. 117].

В соответствии с законом о трудовом участии сельского населения в строительстве и ремонте шоссейных и грунтовых дорог привлечение к дорожным работам колхозников, единоличников и колхозов 34 районов Челябинской области за 1946 и 1947 гг., в переводе на денежную стоимость, характеризуется следующими показателями (тыс. руб.):

	1946 г.	1947 г.
План трудового участия	2400,0	3100,0
Отработано	1807,0	2340,0
Недовзнос за невыполненную работу	1385,0	1708,2
Недовзнос за 2 года		3093,2

Как следует из приведённых данных, общий объём дорожных работ в 1946—1947 гг. за счёт привлечения на работу сельского населения в порядке трудового участия в дорожном строительстве выражался в сумме 5500,0 тыс. руб. Из общего плана фактически отработано за 2 года на сумму 4147,0 тыс. руб. (75,4%). Таким образом, невнесённые денежные взносы за уклонение от трудового участия в дорожном строительстве, при исчислении их в двукратном размере стоимости невыполненных работ, составили 3093,2 тыс. руб.

План дорожных работ в Челябинской области на 1948 г. составлял в общей сумме 6804,7 тыс. руб. Он предусматривал следующие источники финансирования: мест-

ный бюджет — 422,0 тыс. руб. (6,2%), трудовое участие населения и колхозов на сумму 3765,0 тыс. руб. (55,3%) и взыскание денежных взносов за невыполненную работу в сумме 1862,6 тыс. руб. (27,4%), остальная сумма покрывается за счёт других источников финансирования. Таким образом, колхозы, колхозники и единоличники должны были в течение 1948 г. принять трудовое участие в дорожном строительстве на сумму 3765,0 тыс. руб. плюс 1862,6 тыс. руб. (денежные взносы в двойном размере стоимости невыполненных ими работ за 1946—1947 гг.) [20, л. 58]. То есть 82,7% дорожных работ в денежном исчислении проводилось за счёт колхозов, колхозников и единоличников. Большая часть затрат в дорожном хозяйстве в 1930—1940-х гг. покрывалась за счёт бесплатного трудового участия сельского населения. В годы Великой Отечественной войны, по данным Главного дорожного управления при СНК РСФСР, все основные дорожные работы выполнялись бесплатно силами сельского населения с привлечением колхозного гужевого транспорта. При этом труд на дорожном строительстве, особенно на местных дорогах, был немеханизированным. В 1937 г., например, доля ручного труда на дорогах местного значения в СССР составляла 97% [15, с. 176].

Управлением Министерства юстиции РСФСР по Челябинской области 9 марта 1948 г. даны указания нарсудам о порядке приёма и рассмотрения исковых заявлений, а также о порядке исполнения судебных решений. В этих указаниях говорилось о том, что в Управлении Министерства юстиции имеются сведения о том, что отдельными народными судами нарушается инструкция о порядке рассмотрения дел о взыскании не внесённых в срок денежных взносов за уклонение от трудового участия в дорожном строительстве. В Варненском, Брединском, Октябрьском и других районах нарсуды не принимают к производству дела без предварительного согласования с председателями райисполкома. В Бродокалмакском, Аргаяшском и Кушнарниковском районах взыскания производятся в нарушение постановления ЦИК и СНК СССР от 3 марта 1936 г. в размерах одного или $\frac{1}{2}$ стоимости неотработок, в то время как взыскание должно производиться в двукратном размере. Дела о взыскании денежных взносов за уклонение от трудового участия в дорожном строительстве возбуждаются по письменному заявлению райдоротделов и рассматриваются народными судами в течение пятидневного срока с момента их поступления в суд. В этом указании также говорится, что «при исполнении судебных решений и установлении фактов отсутствия сумм на счетах колхозов ставить вопрос о наложении ареста и реализации имущества колхозов в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 12 июня 1941 г. Вся сумма денежных взносов стоимости невыполненных работ колхозами, а также колхозниками взыскивается с колхоза. Основанием к этому является решение колхозного собрания о выделении постоянных бригад, которые должны работать за колхоз и работа которых засчитывается в общий план трудового участия в дорожном строительстве членов данного колхоза» [20, л. 57—60].

В 1948 г. в Чкаловской области проведена значительная работа по строительству и ремонту дорог. На дорожные работы за 9 месяцев 1948 г. было привлечено более 100 тыс. колхозников, около 3000 лошадей, 100 автомашин [32, с. 510].

В п. 5 постановления от 3 марта 1936 г. «О трудовом участии сельского населения в строительстве и ремонте шоссе и грунтовых дорог» записано: «Признать, что выгоднее и для колхозов, и для государства, чтобы не все члены колхоза исполняли дорожные работы, а чтобы колхоз выделил постоянную бригаду, которая работает за колхоз и работа которой засчитывается в общий план трудового участия в дорожном строительстве членов данного колхоза». Однако постоянные дорожные бригады не создавались в большинстве колхозов, а там, где они были созданы, не работали. Правление колхозов использовало их на других работах.

Колхозы не отрабатывали положенное по закону трудовое участие на дорожных работах, и за колхозами оставалась огромная задолженность. Так, за колхозами Чкаловской области на 1 января 1949 г. эта задолженность составляла 7727,3 тыс. руб., на 1 декабря 1949 г. — 7049,4 тыс. руб. Наибольшие задолженности имели такие районы, как Зиянчуринский — 250 тыс. руб., Саракташский — 250 тыс., Буртинский — 370 тыс., Шарлыкский — 365 тыс. и т.д. [35, л. 54, 56; 32, с. 510]. Получено денежных взносов взамен трудового участия, включая взысканные деньги через суд с колхозов и сельского населения за уклонение от трудового участия в дорожном строительстве, в 1948 г. — 835 тыс. руб., в 1949 г. — 492 тыс. руб., причём постановлением от 3 марта 1936 г. предусматривалось за уклонение от трудового участия в дорожном строительстве взыскание производить через судебные органы в двукратном размере. В колхозах созданы 493 постоянные дорожные бригады, из этого количества часть бригад создана из 2—3 колхозов.

В 1949 г. на дорожных работах колхозы, колхозники и единоличные хозяйства Чкаловской области по закону должны были отработать на общую сумму 25 млн. руб. (включая задолженности прошлых лет). В 1949 г. получено от колхозов, колхозников и единоличников взамен трудового участия 492 тыс. руб. Какая сумма из этих средств получена с колхозов по суду, сколько добровольно — неизвестно. По стройфинплану облдоротделом действительно планировалось поступление денежных средств с населения и колхозов взамен трудового участия в сумме 480 тыс. руб. Эти поступления утверждены ГДУ при Совете Министров РСФСР. Однако взыскание с колхозов через судебные органы в двукратном размере облдоротделом не планировалось [36, л. 54].

В экстремальных условиях Великой Отечественной войны спектр отработочных повинностей крестьян был особенно широк. Так, колхозников привлекали к строительству оборонных сооружений, железнодорожных путей, очистке железной дороги от снежных заносов и т.д.

Колхозники также подлежали мобилизации на строительство заводов, фабрик, железных дорог. Так, на 22 сентября 1942 г. 20 районов Чкаловской области план мобилизации на строительство завода тяжёлого машиностроения в г. Орске выполнили на 89,5%. Должны были мобилизовать по плану 800 человек, мобилизовано 766, отправлено 716. В Гавриловском районе 7 мобилизованных дезертировали с дороги и содержались под стражей. Случаи дезертирства имелись в Екатериновском и Белозерском районах. Покровский, Саракташский, Ново-Орский районы не уделили мобилизации должного внимания, в связи с этим она затянулась [4, л. 104].

Чкаловский облисполком принял решение мобилизовать в порядке трудовой повинности для Уралтяжстроя на срок с апреля по 1 июня 1943 г. 50 возчиков с лошадьми: по Бузулукскому району — 30 возчиков и 30 лошадей на вывозку леса в Колтубановском лесхозе, по Кваркенскому району — 20 возчиков и 20 лошадей на вывозку леса для строительства Айдырлинского рудника [32, с. 511].

В соответствии с постановлением ГКО от 1 июля 1943 г. Чкаловский облисполком принял решение «Об обеспечении Оренбургской железной дороги рабочей силой и гужевым транспортом для борьбы со снежными заносами в зиму 1943—1944 гг.».

Было указано, что для борьбы со снегом следует прикрепить каждую станцию и перегон к колхозу, сельскому совету, поселковому совету. Обязать райисполкомы в случае стихийных явлений, угрожающих нормальному движению поездов из-за снежных заносов, по требованию железнодорожной администрации мобилизовать в порядке трудгужповинности население в количестве, обеспечивающем быструю ликвидацию снежных заносов. Создать для оперативного руководства борьбой при исполкоме облсовета оперативный штаб в составе заместителя председателя облисполкома Вишняко-

ва, начальника дороги Краевого и начальника областного управления милиции Вецнер [32, с. 512].

Эти трудгужповинности сохранились и после окончания войны. Так, на снегоочистку дорог Чкаловской области по трассам Чкалов — Шарлык, Чкалов — Илек, Бузулук — Андреевка, Бузулук — Грачёвка, Сорочинск — Ивановка, Ново-Сергиевка — Мустаево, дороги внутри Ак-Булакского района зимой 1945—1946 гг. подлежало выделить 59 тракторов, в том числе из МТС — 47, совхозов — 12 [32, с. 512].

Кроме этих обязанностей, колхозы несли трудгужповинность по перевозке почты. Министерство связи использовало колхозный транспорт на перевозках почты по межрайонным трактам в соответствии с Постановлением Совнаркома СССР от 9 июля 1931 г. № 544 и от 17 января 1932 г. № 41 о порядке перевозки и доставки почты, газет, периодических изданий. Транспортные средства для этой цели выделялись колхозами по договорам, заключённым с местными органами связи. Перевозка почты по межрайонным и внутрирайонным трактам производилась на колхозном гужтранспорте на договорных началах по ценам, установленным соглашением между Наркоматом связи и Наркомземом. С выходом Сентябрьского постановления 1946 г. некоторые колхозы отказывались выделять транспорт для перевозки почты и снимали колхозных почтальонов, так как постановление требовало сократить обслуживающий персонал колхозов (почтальонов, пожарных и т.д.) и снять их с оплаты в трудоднях. Все это приводило к дезорганизации работы государственной почты. В связи с этим начальник Челябинского областного управления связи Тарасов 30 декабря 1946 г. запрашивал Министерство связи по СССР: «Имеем ли право в дальнейшем привлекать колхозы для перевозки и доставки почты на договорных началах с оплатой за перевозку почт по государственным ценам?» [23, л. 1].

По сообщению Министерства связи по СССР привлечено в 1946 г. для перевозки почты по межрайонным и внутрирайонным трактам более 35 тыс. колхозных лошадей с оплатой за перевозку почты в среднем 27 коп. за тонно-километр и для разноски почты около 200 тыс. колхозных почтальонов с оплатой в трудоднях. В случае принятия этих расходов полностью за счёт государства потребуется свыше 1 млрд. руб. денежных средств и колоссальное количество людей и транспорта [23, л. 3]. Государство, естественно, брать на себя такую обузу не стало, поэтому 9 августа 1947 г. было принято Постановление Совета Министров СССР № 2844, в котором указывалось: «...сохранить установленный в соответствии с Постановлением Совнаркома СССР от 9 июля 1931 г. № 544 и от 17 января 1932 г. № 41 порядок перевозки и доставки почты, газет, периодических изданий. Транспортные средства для этой цели выделяются колхозами по договорам, заключённым с местными органами связи. Не можем освободить колхозы, так как потребность для этих перевозок не менее 12 тыс. ведомственных лошадей». Даже 18 декабря 1950 г. Министерство связи СССР сохранило действие всех этих постановлений [26, л. 152].

Таким образом, государственные трудовые повинности крестьян в 40-х и в начале 50-х годов являлись достаточно объёмными, разноплановыми, но самое главное — становились непосильными для них. Усиление налогового бремени вместе с трудовыми повинностями вызывало недовольство и социальный протест со стороны крестьянства.

Список использованной литературы и архивных источников

1. Безнин М. А., Димони Т. М., Изюмова Л. А. Повинности российского крестьянства в 1930—1960-х годах. Вологда : Вологод. НКЦ ЦЭМИ РАН, 2001. 141 с.
2. Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938—1946 годы. М., 1948.
3. Вербицкая О. М. Российское крестьянство от Сталина к Хрущёву: середина 1940-х — начало 60-х гг. М., 1992. М. : Наука, 1992. 224 с.

4. ГАОО. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 715.
5. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 49. Д. 1898.
6. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 49. Д. 1916.
7. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 49. Д. 1920.
8. ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 3. Д. 112.
9. ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 9. Д. 499.
10. Зима В. Ф. «Второе раскулачивание»: (Аграрная политика конца 40-х — начала 50-х гг.) // Отечественная история. 1994. № 3. С. 109—125.
11. История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917—1958 гг. Т. 2. М., 1958.
12. История крестьянства СССР. История советского крестьянства. Т. 1—4. М., 1986—1988.
13. Кабанов В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988.
14. Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 221 с.
15. Кудрявцев А. С. Очерки истории дорожного строительства в СССР. Т. 2. Послеоктябрьский период. М., 1957. 356 с.
16. Лесная промышленность СССР : стат. сб. Л., 1957.
17. Мотрович В. П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 196 с.
18. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 14. Д. 122.
19. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 338.
20. ОГАЧО. Ф. Р-1379. Оп. 4. Д. 15.
21. Попов В. П. Крестьянские налоги в 40-е гг. // Социологические исследования. 1997. № 2. С. 95—114.
22. Попов В. П. Экономическая политика Советского государства 1946—1953 гг. Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. тех. ун-та, 2000. 222 с.
23. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 229.
24. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 34.
25. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1206.
26. РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 907.
27. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917—1967 гг. : в 5 т. Т. 2. М., 1967.
28. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967). Т. 3. М., 1968.
29. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967). Т. 4. М., 1969.
30. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 — июль 1956). М., 1956. 500 с.
31. Удмуртия в Великой Отечественной войне 1941—1945 : сб. документов. Ижевск: Удмуртия, 1995. 368 с.
32. Хисамутдинова Р. Р. Аграрная политика Советского государства на Урале после окончания Великой Отечественной войны (июнь 1945 — март 1953 г.). Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2003. 608 с.
33. Хисамутдинова Р. Р. Аграрная политика Советского государства и её осуществление на Урале (1940 — март 1953 г.) : дис. ... д-ра ист. наук. Оренбург, 2004. 729 с.
34. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 12. Л. 862. Л. 61.
35. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 14. Д. 825.
36. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 14. Д. 825. Л. 54.

Список сокращений названий архивов

ГАОО — Государственный архив Оренбургской области
 ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
 ГОПАПО — Государственный общественно-политический архив Пермской области
 ОГАЧО — Объединённый государственный архив Челябинской области
 РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
 РГАЭ — Российский государственный архив экономики
 ЦДНИОО — Центр документации новейшей истории Оренбургской области

Поступила в редакцию 25.05.2013 г.

Хисамутдинова Равиля Рахимьяновна, доктор исторических наук, профессор
Оренбургский государственный педагогический университет
460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: hisamutdinova@inbox.ru

UDC 94(470.5).084.8

R. R. Khisamutdinova

**National labor duty of the Soviet peasantry in the 40-s — early 50-s of the XX century
(on the materials of the Urals)**

The article discusses the types of national labor duty of Ural collective farmers: mandatory work on the farm; labor and horse-drawn duties during lumber harvest, timber and peat harvest; construction and repair works on roads and disaster management; transport of mail. It is proved that the features of the then economy presupposed primarily non-economic methods to fulfill the national duties.

Key words: formation, national labor duty, Soviet and Ural peasantry.

Khisamutdinova Ravilya Rahimyanovna, Doctor of Historical Sciences, Professor
Orenburg State Pedagogical University
460014, Russian Federation, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: hisamutdinova@inbox.ru